

Я помедлил, а затем высунул голову из примерочной. Лиа, сидевшая рядом с Квон Тэшином, тут же поднялась.

— Что-то не так?

— Э-э, можно вас на минуту?

Я заманил её внутрь и, пока она недоуменно хлопала ресницами, объяснил ситуацию:

— Вещи просто потрясающие, правда. Но для меня это слишком дорого.

— М-м? О чем ты беспокоишься? Платить всё равно будет Шин. У Шина много денег. Он богат.

— Я не могу принимать такие дорогие подарки от человека, с которым меня ничего не связывает.

Лиа прыснула, глядя на мое серьезное лицо.

— Как это — ничего не связывает?

— Что?

— А-а... В смысле, никого нет, но кто-то есть? Или кто-то есть, но его нет?

Поскольку она была иностранкой и путалась в словах, я и сам начал тупить. Пока я барахтался в ловушке двойного отрицания, Лиа, кажется, окончательно убедилась, что мы с Тэшином — «особенная» пара. Я замахал руками:

— Нет-нет! Мы вообще никто друг другу. Поэтому... — я запнулся, но всё же попросил: — Если можно, подберите что-нибудь одно, что подошло бы к моей куртке. И чтобы цена была... поскромнее.

Лиа на мгновение задумалась, кивнула и вышла. Вскоре она вернулась с другой вещью — светло-серым свитером с серебристым отливом.

— Это будет отлично смотреться с винтажной кожей.

— О, спасибо большое.

— Хочешь примерить и эти ботильоны?

Я переобулся в стоявшие в углу ботинки, натянул серый свитер и вышел. Лиа протянула мне мою кожанку, и я набросил её сверху.

— Ну как? — спросила она.

Бровь Квон Тэшина поползла вверх.

— А те вещи, что ты взял сначала?

— Знаете, я примерил и понял, что это мне нравится больше, — быстро соврал я.

— Хм...

Тэшин смерил меня взглядом и неохотно кивнул:

— Что ж, неплохо. Подходит.

Я с облегчением повернулся к Лию:

— Тогда в этом я и пойду. Сколько с меня?

Оказалось, что на свитер скидка 50% и он стоит триста с чем-то тысяч вон, а ботинки — выставочный экземпляр, поэтому их отдадут за сто. В сумме выходило почти полмиллиона. Сумма для меня огромная, но, боясь, что Тэшин сейчас влезет, я поспешно протянул свою карту.

— Пожалуйста, посчитайте по этой.

Квон Тэшин молча наблюдал за этой сценой. Затем его губы искривились в усмешке, и он процедил:

— Забавно.

— Простите?

— Значит, от меня ты и копейки не примешь?

Его это задело, и я растерялся. По моей логике, нельзя брать дорогие подарки у того, с кем даже не встречаешься. Но Тэшин, похоже, решил, что я просто пытаюсь не остаться в долгу и держу дистанцию. Я принялся лепетать оправдания, которые в его глазах наверняка выглядели жалко:

— Да нет, просто это же моя одежда, мне её носить. Логично, что я сам за неё плачу.

— Ты серьезно думаешь, что я позвал бы тебя сюда, если бы не собирался ничего купить? Выставляешь меня в каком-то дурацком свете.

Его язвительный тон заставил меня вскипеть.

— Это вы меня не выставляйте в дурацком свете, Квон Тэшин-сси. Кто в здравом уме будет брать такие вещи у человека, который ему никто?

— Мы друг другу «никто»? — переспросил он так, будто я сказал несусветную глупость, и угрожающе прищурился.

Я поежился и, косясь на Лию, пробормотал:

— Ну, пока что... пока что это так.

Сказал и сам почувствовал обиду. Ведь это чистая правда — мы никто, так почему я должен чувствовать себя виноватым? В голове промелькнула дикая мысль: неужели Квон Тэшину неприятно слышать, что между нами ничего нет? Кем же он тогда хочет быть? Неужели он... действительно хочет со мной встречаться? По-настоящему?

Я задавал себе эти вопросы, глядя на него, и вдруг осознал: свидание, попытка завалить дорогими подарками — это же явные признаки ухаживания. Но поверить в это было почти невозможно. Слова и поступки Тэшина меньше всего напоминали желание кому-то понравиться.

Он вообще не вел себя так, будто я ему симпатичен. Скорее наоборот. Ни разу он не посмотрел на меня тепло, не позвал ласково, не улыбнулся мягко. Тэшин только хмурился, ворчал, читал нотации и высмеивал меня, как будто напоминая, где мое место. Даже приглашая на свидание и пытаясь купить одежду, он оставался высокомерным и во всем винил меня. Я решительно не понимал, что ему от меня нужно.

Глядя на мое замешательство, Тэшин бросил:

— Секс был, поцелуи были, свидание вот... а мы всё еще «никто». У меня слов нет.

Мое лицо вспыхнуло. Здесь же люди, что он несет?! Но Тэшин вдруг выхватил мою карту с подноса и швырнул её куда-то в сторону. Поскольку это была моя единственная кредитка, я с коротким «Ах!» бросился её поднимать. Когда я вернулся, запыхавшийся и чувствуя себя псом, за которым заставили бегать, Тэшин уже всё оплатил.

— Пошли.

Бросив короткое «надо поесть», он всучил мне пакет с моими старыми вещами. Пришлось забрать его и поблагодарить Лию. Та лучезарно улыбнулась и крикнула: «Приходите еще!», на что я вежливо кивнул, хотя про себя подумал, что из-за таких цен ноги моей здесь больше не будет. Мы вышли и сели в его спорткар.

Ощущение было странным: я привык быть за рулем, а теперь сидел на месте пассажира. Я уже хотел было спросить: «Может, я поведу?», но передумал. Поглаживая мягкую ткань свитера, плотно облегающую тело, я спросил:

— Куда теперь?

— Я забронировал столик в итальянском ресторане.

— А, понятно.

— Паста, стейки — ты же не против?

— Да, вполне.

Пока я покорно соглашался, машина остановилась на светофоре. Я случайно глянул в окно и увидел огромную очередь перед каким-то заведением. Удивившись такому ажиотажу, я присмотрелся к вывеске: «Сога Тонкацу».

— О! — невольно вырвалось у меня.

— Что такое? — Тэшин покосился в мою сторону.

— Вон та закусовая с тонкацу. Говорят, она безумно популярная.

— Да?

— Слышал, что там приходится долго ждать, но очередь просто нереальная.

«Насколько же там вкусно...» — пробормотал я. Он сухо спросил:

— Любишь тонкацу?

— Да, очень.

Я подумал, что вряд ли найдется человек, который его не любит, и решил, что обязательно приведу сюда младших. В этот момент светофор сменился, и машина плавно рванула вперед.

Вскоре мы приехали к какому-то отелю. Когда мы остановились у входа, парковщик почтительно поклонился и открыл дверь. Было чертовски непривычно: обычно эту роль исполнял я. Чувствуя неловкость, я кивнул ему в ответ, мы оставили машину на валет-паркинге и я последовал за Тэшином.

Итальянский ресторан, где он забронировал столик, находился на крыше отеля. Под чистым, прозрачным небом раскинулась панорама Сеула — вид был просто ошеломляющий.

Похоже, это место было не менее статусным, чем та закусочная с тонкацу — все столики были заняты. Свободным оставался лишь один, у самого панорамного окна. Нас провели туда.

— Ва-а...

Официант принес меню, но я не мог заставить себя в него заглянуть — всё смотрел по сторонам.

— Отсюда видно дворец Кёнбоккун! — сказал я, не в силах оторвать взгляд от окна. Пока я глазел на город, Тэшин сам что-то заказал и отодвинул меню.

— Не знал, что в центре Сеула есть такие места. Как за границей.

— Ну, до «заграницы» всё-таки далеко, — тут же парировал он.

Я решил, что это отличная тема для беседы на свидании, и подхватил:

— Вы, должно быть, часто бываете за рубежом?

— Бывает.

— И где вы успели побывать?

— Нью-Йорк, Париж, Лондон, Рим...

Он перечислял названия городов, которые знает каждый, а я спросил, где ему понравилось больше всего. Тэшин ответил совершенно равнодушным тоном:

— В Европе все города похожи.

— Но если бы пришлось выбирать, куда бы вы вернулись?

— Если есть дело — еду. А так, чтобы «хотелось»... особо некуда.

Похоже, он так часто там бывал, что у него не осталось ни капли романтики или тяги к экзотике. Видимо, когда чего-то слишком много, оно перестает цениться.

— И всё же, если выделить один?

Он отпил воды, задумался и спустя долгое время ответил:

— Париж?

— Париж?

— Из-за Эйфелевой башни.

— Но ведь в Париже столько всего! Музеи, галереи...

— Там толпы туристов, не протолкнуться. А башню видно отовсюду — с площади, из парка, с моста.

— Значит, вам нравится Эйфелева башня?

— Не то чтобы прямо нравится...

— Но если из всех городов Европы вы выбрали Париж именно из-за неё, разве это не значит, что она вам по душе?

Тэшин нахмурился, собираясь возразить, но потом, видимо, обдумал мои слова и снова замолчал. В итоге он выдал: «Сам не знаю». В этот момент я, кажется, начал понимать, что он за человек. Он был чертовски осторожен в своих симпатиях и почти никогда не признавал, что ему что-то нравится. Это было так в его духе, что я невольно прыснул.

— Если нравится — значит нравится, если нет — то нет. Зачем так всё усложнять?

Он недовольно зыркнул на меня:

— Можно подумать, Ли Вону-сси — человек простой.

Клянусь, меня в жизни никто не называл «сложным». Я ем что дадут, сплю где придется, вообще неприхотлив... И слышать это от Квон Тэшина, самого капризного и привередливого человека на свете, было просто смешно. Я уже хотел было съязвить, но тут появился официант.

— Ваш заказ, пожалуйста.

Я с предвкушением посмотрел на стол и замер в недоумении. Ресторан-то итальянский, я ждал пасту или стейк, но передо мной поставили нечто совсем иное. На дорогой тарелке красовался... тонкацу.

Что за чертовщина? Я вгляделся в маленькое декоративное знамя, воткнутое в мясо, и у меня отвисла челюсть. На нем было написано: «Сога Тонкацу».

— Это... как это понимать?

Я посмотрел на Тэшина, ожидая объяснений. Тот спокойно взял вилку.

— Ты же сказал, что любишь тонкацу.

— Люблю, конечно, но... — фраза «мы же в итальянском ресторане» застряла в горле.

Тэшин, похоже, не видел в ситуации ни малейшей проблемы. Он невозмутимо подцепил кусочек нежного мяса с розовой серединкой.

— Мне показалось, что тонкацу ты хочешь больше, чем пасту или стейк. Так что я попросил

менеджера.

— Но... насколько я знаю, там же... дикие очереди.

Еду принесли не мгновенно, но если её действительно доставили из той закуской, то это было невероятно быстро. Там же не принимают бронь и не работают на вынос. Как он это провернул? Тэшин ответил так, будто это сущий пустяк:

— Взяли и принесли. М-м, немного остыло.

Я только открывал и закрывал рот, не зная, что сказать. Тонкацу в итальянском ресторане... Это, конечно, не лапша быстрого приготовления, но всё равно выглядело дико. В любой другой ситуации это назвали бы верхом хамства и самодурства. Понятно, что Тэшин наверняка щедро заплатил за такую «услугу», но я всё равно не понимал — зачем?

— Мы же пришли в итальянский ресторан, я мог съесть любое блюдо из меню.

— Это наше первое свидание, нужно есть то, что вкусно. А не «любое».

— Тонкацу можно было поесть и в другой раз.

— Кто в здравом уме будет стоять ради этого в очереди несколько часов?

«Тогда можно было просто не есть его?» — вертелось на языке, но я промолчал, понимая, что он ответит: «Но ты же хотел». Я в прострации уставился на тарелку, пока Тэшин не прервал мои мысли:

— Есть собираешься?

— ...Да, ем. Уже ем.

Я нарочито громко пробормотал: «Ого, как вкусно выглядит», и взял вилку. Попробовал кусочек того самого знаменитого тонкацу. Как и сказал Тэшин, мясо было едва тепловатым, но всё равно потрясающим. Я впервые пробовал такой сорт — мясо нежное, сочное, тает во рту, а панировка хрустящая и ароматная.

Но чем больше я ел, тем сильнее становилось чувство, что всё это как-то... неправильно. Мало того что есть тонкацу в таком месте — это странно, так еще я не мог перестать думать о менеджере, который, вероятно, с ног сбился, выполняя каприз начальника; о людях в очереди, которых, скорее всего, бесцеремонно обошли; о шеф-поваре ресторана, чье мастерство здесь просто проигнорировали.

Тэшина же такие мелочи совершенно не волновали.

— Не понимаю, чего все так сходят по нему с ума, — проворчал он и быстро отложил вилку.

Я смотрел на него в упор и вдруг спросил:

— Зачем вы всё это делаете?

Тэшин, собиравшийся отпить вина, вопросительно поднял взгляд. Я кивнул на остывающий тонкацу.

— Вы так стараетесь... только чтобы затащить меня в постель?

Он ответил без тени смущения:

— Думаешь, я всё это затеял только ради секса?

«Разве нет?» — я широко раскрыл глаза, и он усмехнулся.

— Ну, не без этого. Это, пожалуй, главный стимул.

Я почувствовал, как внутри что-то сдулось. Я-то на мгновение подумал, что за его словами кроется какой-то глубокий смысл. Глупо было чего-то ждать от человека, который всегда говорит не то, что ты ожидаешь услышать. Тэшин пригубил вино и, словно дразня меня, добавил:

— Вы же сами предложили «встречаться». Вот я и обрабатываю вас по всем правилам, чтобы закрутить роман.

Правда?

Нет, не может быть. Он не может говорить это серьезно. Но тогда зачем? Для простого любопытства или мимолетного интереса он слишком скучающий и пресыщенный человек. Вряд ли кто-то настолько бесчувственный стал бы так заморачиваться ради такого обычного парня, как я, только из-за внезапной симпатии.

Я прикусил губу и тихо спросил:

— Почему... со мной?

Он широко улыбнулся:

— Потому что хочу тебя сломать.

По спине пробежал ощутимый холодок. Я во все глаза уставился на него. Сломать? Меня? Зачем?

Вопрос «зачем» крутился в голове бесконечно, но ответа не было. Это было похоже на игру в кошки-мышки, где каждая попытка понять его мотивы только порождала новые загадки.

<http://bllate.org/book/17248/1731507>